

Исихастам удалось помешать попыткам гуманистов утвердить право на самостоятельную мысль, сдержать развитие и распространение в гибнущей Византии ренессансных тенденций. Победа исихастов была обусловлена опорой на могущественные консервативные силы (феодалную аристократию), решительно поддержанные монашеством и императорской властью. Немалую роль сыграло и невежество народных масс, которые были готовы безоговорочно следовать за духовными пастырями.

Имело значение и то обстоятельство, что исихасты сумели скомпрометировать гуманистов политически. Гуманисты поддерживали тесные связи с итальянскими энциклопедистами (ненавидимыми исихастам и народу латинянами), они изучали западную литературу и науку, представители именно гуманистических кругов со второй половины XIV в. чаще всего оказывались среди эмигрантов, покидавших страдающую родину ради спокойной жизни в городах Италии. С точки зрения православного и великодержавного ригоризма латинофильство ученых гуманистов трактовалось как предательство веры и отечества. Действительно, именно гуманисты обнаружили мало готовности к подвижничеству и страданиям за веру.

Политическая мысль поздней Византии пронизана нервозностью, лихорадочными поисками спасения государства, причем с помощью средств, взаимоисключавших друг друга. Правоверные патриоты-консерваторы отстаивали старую идею ойкуменизма, великодержавности, незыблемости Нового Рима. Однако триумфальный марш османов по Балканам, начавшийся во второй половине 50-х — начале 60-х годов XIV в., заставлял приверженцев этой доктрины менять свою позицию. Они возрождали идею примата духовной (патриаршей) власти над светской (императорской), остро порицали императоров за династические раздоры и склоняли их к компромиссам с султанами. Неудачи и провалы порождали в среде идеологов-ортодоксов уныние; им были свойственны капитулянтские и даже туркофильские настроения.

Однако едва ослабевала османская опасность (например, после разгрома армии османов в 1402 г. татаро-монголами при Анкаре), традиционалисты возвращались к мысли об ойкуменизме, о святости доктрины великодержавия и о реконкисте как главном средстве решения всех проблем.

Значительно разнообразнее были политические идеи гуманистов, хотя и они отдали долг традиционализму. Трактую вопрос об образе идеального государя, они перенесли акцент на его личные, человеческие качества, умаляя таким образом тезис о богоизбранности «помазанника божия»; долгом его они считали труд на пользу общества, служение в качестве арбитра и гаранта справедливости.

Гуманисты выступали с идеей взаимопонимания между империей и народами Запада. Большинство их оказалось в стане латинофилов. Сам традиционный для византийцев имперский патриотизм обрел у гуманистов новые оттенки, свидетельствующие о росте этнического самосознания: термин «ромеи» все чаще заменялся понятием «эллины», т. е. греки. Активность латинофилов повышалась, когда усиливалась угроза Константинополю со стороны османов. {598}

Трагизм противостояния сторонников этих двух противоположных политических позиций состоял в том, что и те и другие были и реалистами и идеалистами одновременно, но по-разному. Особенно ярко это проявилось в борьбе вокруг унии церквей. Реалистично оценивая ситуацию, гуманисты-латинофилы видели в военной помощи Запада единственное средство спасения, а в унии церквей — уступку, на которую нужно идти без лишних колебаний. Не менее реалистичны были антиуниаты, верно констатируя неодолимую враждебность унии со стороны подавляющего большинства духовенства и широких масс населения. Идеализм первых состоял в несбыточных надеждах на готовность Запада спешить на помощь Византии, идеализм вторых — в расчетах на соглашение и мирный симбиоз с османами.

Все это нашло достаточно полное отражение в историографии того времени, достигшей подлинного расцвета в поздневизантийскую эпоху. Действительность поставила особенно властно в первую очередь перед историками задачу переосмысления истории и места в ней личности.

Наиболее общей для историографии этой эпохи была нарастающая тенденция к десакрализации исторической мысли, к признанию значения фактора личной активности, к более реалистическому пониманию причинно-следственных связей.

Историография поздней Византии делает честь византийской культуре: большинство ее представителей, стоявших на уровне образованности своего времени, перенесли тяжкие испытания, выпавшие на долю их родины, но они не изменили глубокой любви к своему отече-